

© 1995 г. А. БИРИХ

К ДИАХРОНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

0. Основными задачами исторической фразеологии традиционно считаются, во-первых, выяснение происхождения и развития отдельных фразеологизмов, различных изменений их структурно-семантической организации (семантические сдвиги, замены компонентов, расширение компонентного состава, возникновение новых вариантов или их утрата; изменения сочетаемости и т.д.) и, во-вторых, изучение изменений фразеологического состава в различные периоды развития языка (появление новых фразеологизмов – на основе языковых единиц, уже существующих в языке, или в результате заимствования; архаизация фразеологических оборотов и их выбывание из фразеологического состава языка и т.п.) [Эккерт 1990: 6; Чернышева 1993: 63]. В решении этих задач, частично поставленных еще Б.А. Лариным [Ларин 1977], уже многое сделано, и прежде всего благодаря трудам В.В. Виноградова (см. его известные историко-этимологические этюды о фразеологизмах *перемывать косточки*, *родиться в сорочке*, *танцевать от печки* и др. [Виноградов 1994]), а также работам М.Ф. Палевской, А.И. Федорова, В.М. Мокиенко, Р. Эккерта [Палевская 1972; Федоров 1973; Мокиенко 1989; Eckert 1991] и др.

Интенсивное развитие когнитивных исследований в области фразеологии (см., например [Телия 1993; Добровольский 1988]) позволяет поставить новые задачи и в исторической фразеологии. Общеизвестно, что в создании языковой картины мира наряду с лексическими единицами активно участвуют и единицы фразеологические. В отличие от лексики, фразеология, однако, "отображает по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями" [Телия 1993: 302]. Отображение этого опыта осуществляется через образные представления, лежащие в основе внутренних форм фразеологизмов. Описание внутренней формы устойчивых оборотов позволяет, тем самым, высветить бытовые и этнографические стереотипы и эталоны, отражающие народное видение мира. Поскольку данные стереотипы не являются застывшими формами (хотя и обладают при этом известной устойчивостью), а представляют собой постоянно развивающиеся явления, естественна попытка изучения динамики подобного рода представлений во фразеологических единицах (далее – ФЕ) в различные периоды развития языка.

Решение указанной задачи возможно лишь с помощью идеографического описания фразеологии, ибо, как справедливо отмечает В.Н. Телия, "только на достаточно больших идеографических (или тематических) массивах становится очевидной связь образного основания идиом или фразеологических сочетаний с культурно-национальным миропониманием, т.е. ценностно-ориентированным менталитетом народа – носителя языка" [Телия 1993:305].

1. Идеографический анализ фразеологии кажется наиболее перспективным на материале фразеосемантических полей, под которыми понимается совокупность фразеологических единиц, объединенных общим семантическим признаком. Применение этого метода в диахроническом аспекте позволит: а) проследить динамику фразеоло-

гической номинации, т.е. активность (распространенность) поля и его членов в определенный период развития языка (так, например, в русском языке XVII–XVIII вв. были широко представлены ФЕ со значением "нищенствовать, побираться", не сохранившиеся в современном русском языке: *пойти под окны, пойти меж двор, таскаться с сумою, кормиться божьим именем* и т.п.); б) показать основные особенности фразеологической системы языка определенной эпохи, ее отличия от фразеологической системы современного языка; в) дать широкую картину различных изменений внутренней формы фразеологизмов, т.е. образных представлений, лежащих в ее основе. Эти изменения особенно ярко проявляются во фразеологических рядах, состоящих из устойчивых оборотов, имеющих аналогичную семантику, тождественную внутреннюю форму и (в большинстве случаев) общую синтаксическую структуру. В основе такого ряда лежит, как правило, одна структурно-семантическая модель. Выявление такого рода моделей возможно лишь в результате наблюдений над синонимическими, структурными и вариационными потенциями фразеологизмов, что, в свою очередь, требует привлечения материалов диалектов, родственных и неродственных языков¹.

Таким образом, диахронический анализ фразеосемантического поля предполагает не только определение его состава в один из периодов развития языка (это было бы синхронным срезом), но и выявление динамики этого поля на протяжении определенной эпохи (устранение или появление элементов поля; взаимовлияние ФЕ внутри поля; утрата или возникновение вариантов и т.п.). Организующим началом при описании поля могут служить поэтому синонимические ряды и структурно-семантические модели. Анализ смысловых и вариантных отношений ФЕ позволит выявить основные мотивировки фразеологизмов, случаи контаминации устойчивых сочетаний или влияния одной модели на другую.

2. Проиллюстрируем сказанное на примере двух фрагментов фразеосемантических полей "смерть" и "пьянство". Выбор столь различных идеографических массивов имеет целью показать основные особенности их структурной организации, а также более детально продемонстрировать динамические процессы, происходящие в них в отдельные периоды развития языка.

2.1. Основную часть фразеосемантического поля "смерть" составляют фразеологические единицы, объединенные значением "умереть". Внутренняя форма этих единиц позволяет распределить их по нескольким группам, большинство которых начинается формироваться уже в древнерусском языке. Понятно поэтому, что центральное место в них занимают выражения, связанные с христианским мировоззрением. К числу таких оборотов могут быть, в частности, отнесены:

2.2. **Фразеологические единицы, основанные на представлении о смерти как исходе души.** По христианскому вероучению, жизнь человека заключается в его душе. При смерти душа человека покидает его тело. Отсюда целый ряд выражений с компонентами *душа* и *дух*: *душа отлучается отъ тѣлесе*, *душа исходитъ изъ тѣлесе*, *душа выходитъ изъ тѣла*, *душа съ тѣломъ разлучается*. Ср.: (1) ...яко в субботу, рече, по възытии солнца душа моя разлучится отъ тѣла (Жит. св. Феод.)²; (2) И точию душа моя разлучися отъ тѣлесе моего, двема лютыма демономъ преданъ быхъ (Вел. зерц.). Умершие называются также "отшедшие души": *Къде оубо хощемъ решити: яко кѣде соуть нынѣ ошѣдѣша дѣла члвчѣ* (Изб. 1076). Душа человека сравнивается при этом с птицей, чаще всего голубем: (3) Оттрьже [смерть] ми душу отъ тела, и исходи душа моя отъ тела яко птица отъ сети ловца (Прен. жив. и смерти); (4) Тогда дѣла исходить праведнаго чловѣка изъ тѣла свѣтла, аки голоубица изъ гнѣзда своего (Престав. прав. чел.) [Knull 1967: 146–147].

¹ Подробнее о структурно-семантическом моделировании ФЕ см. [Мокиенко 1989: 49–95; Солодуб 1985; Добровольский 1988].

² В статье сохранены сокращенные обозначения источников, принятые автором. – *Ред.*

Душа покидает тело по велению Бога, что отражено и в русской пословице: Бог души не вынет, сама душа не выйдет [Даль, I: 248]. Отсюда выражения: *бог берет душу; бог пошлет по чью-л. душу*: (5) А пошлетъ Богъ по мою душу... (Гр. 1399) [Срезн., II: 1277]. Исход души виделся древнерусскому человеку и с другой стороны: при смерти он отдает Богу душу назад. С этим представлением связаны устойчивые обороты *прѣдати, отъдати душу Богу, господеву или въ руцѣ Божии*. Ср.: (6) акы агньци непорочни прѣдаша душа своя богови (Новг. I лет.); (7) горкою и бѣдною смертью предаша душа своя господеву (Новг. I лет.); (8) и предасть дѣю свою в роуцѣ Бѣии (Ипат. лет.). В XVIII в. находим также: *бог сошлет по душу, отдать богу душу, предать душу, отдать дух, предать дух, возвратить дух богу*. Ср.: (9) [Ядова:] Чичисбей теперь хотя в родительском имени и не властен, да когда бог сошлет по душу его родителя, тогда по нем он один наследником останется (Соколов. Судейские именины); (10) [Бригадирша:] Недель через пять-шесть я тоже смеялась, а тогда, мать моя, чуть богу души не отдала (Фонвизин. Бригадир); (11) Отец мой долго ждал часа своей кончины, Но скоро не томясь дух богу возвратил, Как будто сладким сном при вечере почил (Дмитриев. Послание). В современном русском языке из этих выражений употребляется преимущественно *отдать богу душу*: (12) Мне удалось погоню обмануть; следы запутать. Но я потом чуть не отдал в тайге богу душу (А. Иванов. Вечный зов).

2.3. Фразеологические единицы, связанные с представлением о смерти как переходе в новую, вечную жизнь или иной мир. Смерть для древнерусского человека означала и начало новой, лучшей жизни, которая длится вечно. С этим представлением связаны следующие выражения: *преставится в вѣчную жизнь, преставится къ богу въ вѣчную жизнь, къ богу отити* и т.п. Ср.: (13) И в томъ сану живе шесть лет всего и преставися в вечную жизнь лета 6929 (Жит. Мих. Клопск.); (14) мало поболѣвъ, преставися къ богу в вѣчную жизнь (Пск. II лет.). В языке XVIII в. к этому ряду добавляются обороты *отъити в вечность*: (15) Мой сын, любезный сын! уже я ныне стар; Тупеет разум мой и исчезает жар: Готовлюся к суду, отъиду скоро в вечность (Сумароков, Наставл. сыну); *отойти, переселиться в вечное блаженство, в вечную жизнь, пойти в вечное пребывание*: (16) Когда кто отечеству служит и желает больше показать ревность, то холостому гораздо лучше, а особливо в нашей морской службе: ежечасно считай, что отправишься в вечное пребывание (Кропотов. Фо-мушка...).

Противопоставление жизни земной, кратковременной и небесной, вечной вызывает новую противоположность: этот (земной) мир (свет) и тот (потусторонний) мир (свет). Эта оппозиция легла в основу выражений: *оставить (белый) свет, покинуть свет, расстаться с светом, отойти от мира сего*: (17) Счастлив тот человек, который умирает благополучно и, не чувствуя никакой беды, оставляет сей свет без сожаления (Чулков. Пригож. повариха); *отправиться (пойти) на тот свет, уйти (удалиться, отойти) в иной (загробный) мир, переселиться в обители небесные, отойти (скрыться) в горний мир (горнюю обитель), уйти на ниву божью* и т.п. Ср.: (18) [Простаков:] Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар... от которого она и на тот свет пошла (Фонвизин. Недоросль). Любопытно, что основная часть этих выражений фиксируется лишь с XVIII в. В этот же период возникают новые варианты указанных оборотов, связанные с античной мифологией, – *отправиться к Плутону, низойти в царство Плутона, отправиться в царство мертвых* и т.д., ср.: (19) Я нисшел в мрачное царство грозного Плутона (Крм. Соч.). Сюда же следует отнести и выражение *отправиться в Елисейские поля* (в греко-римской мифологии Елисейские поля или Элизиум – часть загробного мира, где пребывают праведники), ср.: (20) Уверен ли ты, что супруг ее убрался в Елисейские? (Бестужев-Марлинский. Испытание).

С переселением в царство мертвых связаны, по-видимому, и фразеологизмы *отойти (переселиться) к предкам, соединиться с предками, отправиться к праотцам*,

переселиться к отцам своим. В основе их лежит латинское *ad patres* (букв. "к отцам, праотцам"). Ср.: (21) Георгий Смелый... переселился к отцам своим (Карамзин. Марфа Посадн.); (22) Наконец, 28 числа февраля..., ввечеру, часу в девятом, переселился он из сей кратковременной жизни в вечную и отошел к своим предкам (Болотов. Записки); (23) [Марина:] Знаю, что вы бы увидели в дочери вашей несчастную жизнь, то б вы не перенесли и скоро б соединились с вашими предками (Кропотов. Фомушка...). Существует и иное, буквальное объяснение этих выражений: быть похороненным рядом с прародителями. Обычай хоронить умерших рядом с предками известен уже с давних времен (например, у евреев). Возможно также, что выражения *переселиться (отойти) к предкам, отправиться к праотцам* возникли в результате контаминации кальки с лат. *ad patres* и оборотов *отправиться (отойти) на тот свет, переселиться в вечность* и т.п.

2.4. Фразеологические единицы, связанные с представлением о смерти как вечном сне. Небольшая группа фразеологизмов связана с представлением о смерти как вечном сне. Это, по-видимому, одно из самых древних представлений о смерти. Уже в Библии, в Ветхом завете, мы находим сочетания такого рода, ср.: (24) И напою до пьяна князей [Вавилона] и мудрецов его... и заснут вечным сном и не пробудятся (Иер. 51, 57). Ср. также ц.-слав. *почить (опочить) в Бозе*, т.е. "заснуть (отдыхать) в Боге". Указания на тесную связь сна и смерти встречаются уже у древних греков. Так, Гомер в своей "Илиаде" называет Сон и Смерть близнецами, а Гесиод – чадами ночи. Аналогичные представления бытовали и у славян. Ср., например, народную пословицу: "сон смерти брат" [Афанасьев 1869: 36–37]. В севернорусской похоронной причети дочь, оплакивая смерть своего отца, прямо говорит ему:

Стань, пробудись, мой родимый батюшка,
От сна от крепкого,
От крепкого сна, от мертвого [Барсов 1872:59].

В литературном языке перифрастические сочетания *заснуть (почить) вечным сном, заснуть последним сном, заснуть мертвым сном, уснуть на веки веков* особенно распространились в XVIII в. в произведениях Н.М. Карамзина и его последователей, ср.: (25) Венцом радостей была любезная дочь Наталья... Уже давно оплакал он мать ее, которая заснула вечным сном в его объятиях (Карамзин. Наталья боярск. дочь). Это употребление поддерживалось и тем, что аналогичные сочетания имелись во французском (*sommeil éternel*) и немецком (*jemand schläft den ewigen Schlaf*) языках.

2.5. Фразеологические единицы, связанные с представлением о смерти как конце жизни. Описательные выражения этой группы встречаются уже в древнерусском языке, ср.: *приятн конец, житию коньць приятн, съкончати живот*: (26) Къѣ же, не оуспѣвъ ничто же, побѣже..., і постигоша і, і живот свои сконча тоу, Бъ же вѣсть, како скончасѧ (Новг. I лет. 6746 г.) [Срезн., 3: 720]. В XVIII в. сохраняются обороты: *кончать (скончать) живот, скончать (окончить) жизнь*: (27) Многих вижу вне себя двойко слезящих Отца, сына, сродника, что живот кончали Иль лишним хмеля ядом, иль острием стали (Кантемир, Сатира V). К ним добавляются следующие фразеологизмы: *скончать век, окончить дни века, скончать (прекратить) дни свои*: (28) Там из черного мрамора сооружен памятник княгине Орловой, которая в цветущей молодости скончала дни свои в Лозане в объятиях нежного неутешного супруга (Карамзин. ПРП). В современном русском языке выражения *кончать жизнь (век)* употребляются преимущественно в народной речи.

2.6. Фразеологические единицы, представляющие смерть через различные реалии похоронного обряда. Значительная часть фразеологических единиц со значением "умереть" представляет смерть через различные реалии похоронного обряда – могилу, землю, кладбище, гроб и т.п. В XVIII в. были широко распространены выражения: *пойти в гроб (в могилу, землю); сойти, вселиться в гроб*, где гроб также употреб-

ляется в значении "могила", ср.: (29) На гробе друга моего, – сказал он, – друга, который пошел в землю от несчастной любви... клялся я (Карамзин. ПРП). Эти выражения сохраняются и в языке XIX в., ср.: (30) Сама хозяйка дома сошла в могилу: Марья Дмитриевна скончалась года два спустя после пострижения Лизы (Тургенев. Дворянское гнездо). В народной речи и просторечии часты обороты, обыгрывающие эти реалии: *лечь под дерновое одеяльце, надеть деревянный тулуп, доской накрыться, сыграть в ящик*, ср.: (31) – У меня вон на той макушке, – показал Семен на вершину конусообразной сопки, – фуражку осколком с головы сбило. Угадай он на полвершка пониже, и сыграл бы я в ящик (Седых. Отчий дом).

2.7. Фразеологические единицы, представляющие смерть через связанные с ней физические действия. Значение "умереть" способны выражать и различные фразеологизмы, обозначающие физические действия, которые сопутствуют смерти. Среди устойчивых сочетаний этой группы можно выделить несколько семантических моделей, отмеченных уже в языке XVIII в.:

а) "закрыть глаза = умереть": *закрывать глаза (очи, взор), глаза (очи) закрылись навеки, смежить глаза (очи), сомкнуть глаза навек*, ср.: (33) Он затрепетал – взглянул на образ Вадима и закрыл на веки глаза свои (Карамзин. Марфа Посадница);

б) "испустить последний вздох = умереть": *испустить последнее дыхание, испустить последний вздох, дохнуть последние*, ср.: (34) [Илдебрант:] Дайте мне под сим деревом испустить последнее дыхание (Левшин. Неоснов. ревность);

в) "вытянуть ноги = умереть": *протянуть ноги, вытянуть ноги (ножки)*, ср.: (35) К прекрасной мыслию и сердцем прилепленный Чево не сделает любовник ослепленный: Готов, сударыня, ответствен за лев, Исполнить я то, любви твоей желая: Разинул зев, любовию пылая, И ноги протянул (Сумароков. Притчи). Широко употребляются эти сочетания и в XIX в., ср.: (36) – Зачем вы ее губите, Гордей Евстратыч? Посмотрите, что из нее стало в полгода: кукла какая-то, а не живой человек. Ежели еще так полгода пройдет, так пожалуй, к весне и совсем она ноги протянет (Мамин-Сибиряк. Дикое счастье). Вариантами этой модели являются фразеологические единицы *откинуть (отбросить) копыта*, возникшие, по-видимому, на основе наблюдений над смертью домашних животных. Выражения эти обладают грубой экспрессией, и, вероятно, поэтому *копыта* заменяются в разговорной речи *сандалиями, штиблетами* и т.п., ср.: (37) А вот от яда каракурта человек гибнет. Такой маленький черный паучок, но сандалии откинешь (Смирнов. Барханы);

г) "с ног долой = умереть": *с ног долой, с копылов (копыльев) долой, с копыт (копытков) долой, с катушек долой, с коньков долой*. Первоначально модель имела значение "упасть, свалиться": (38) Меня подбивали [вином]... и я от двух рюмок чуть не с ног долой (Фонвизин. Псм.); Разок, другой (хлебнул), да и с ног долой (Даль, I : 463); Дал ему одну плюху, а он скорая уж и с копыльев долой (томск.) [СРНГ]. Семантическая связь "упасть" → "умереть" представляется очевидной, ср.: (39) Похворала, похворала старуха, да и с копыльев долой (Подъячев. Мытарство). Модель включает в себя диалектизм *копыл*, имеющий в говорах развитую систему значений. Обычно оборот *с копылов (копыльев) долой* связывается со значением "опора в виде бруска, соединяющего полозья саней с кузовом, верхней частью саней". Однако наличие сочетаний *с ног (копыт, катушек, коньков) долой*, где *копыта, катушки, коньки* – метафорические обозначения ног, позволяют связать это выражение именно с данной моделью. В говорах *копыл* в значении "нога" употребляется довольно часто, ср.: на одном копыле не уйдешь; как дам, слетишь с копылков (влад., свердл., томск., красноярск.). Наряду с этим в диалектах отмечается и выражение *с копыльев сшибать* "валить с ног": (36) Ямщина да прасолы мастеровщину с копыльев сшибают (Сказы Бажова).

Вне названных фразеосемантических групп находится перифраза *отдать долг природе*, фиксируемая с XVIII в. Встречается она в нескольких вариантах: *отдать*

долг естеству, платить долг естеству, отдать долг натуре. Ср.: Граф Иоанн Верф долг естества отдал месяца сентембрия (Феатрон, или позор историч.); Что есть прямо смерть, есть ли не долг, платимой естеству (Эмин. Прикл. Фемистокла). Выражение является, по-видимому, калькой с французского *payer le tribut à la nature* (букв. "платить дань природе"). Оно прочно закрепилось в поэтическом языке XVIII–XIX вв. В современном русском языке этот оборот является устаревшим.

2.8. Описание внутренней формы фразеологических единиц со значением "умереть" позволило выявить целый ряд представлений о смерти и загробном мире. У древнерусского человека они связаны преимущественно с религиозным мировоззрением: *душа исходит из тѣлесе, прѣдати душу Богу, преставитися в вѣчную жизнь* и т.п. Начиная с XVIII в. фиксируются фразеологизмы (возникшие, несомненно, ранее) с иным, менее торжественным отношением к смерти. Смерть представляется уже через связанные с ней физические действия (*закрывать глаза, испустить последний вздох, протянуть ноги*) или через различные реалии похоронного обряда (*пойти в могилу, сойти, вселиться в гроб*). В народной речи нередко встречается шутовское обыгрывание этих реалий (*надеть деревянный тулуп, лечь под дерновое одеяльце, доской накрыться, сыграть в ящик*). С течением времени происходит и стилистическое снижение указанных выше книжных выражений, ср. соврем. *отдать богу душу, бог прибрал* (кого), *дух вон* (из кого), употребляемые преимущественно в разговорной или диалектной речи.

3. Особенностью фразеологических единиц со значением "умереть" является относительная тождественность их семантики. Различие этих оборотов на семантическом уровне заключается не в объеме значения, а в оценочных и эмоциональных признаках. В некоторых случаях, однако, фразеологические синонимы обладают целой гаммой дифференциальных признаков. Объем значения таких оборотов различен. Понятно, что анализ таких фразеологических рядов предполагает выявление оттенков значения. Покажем это на примере синонимичных фразеологизмов со значениями "быть в состоянии опьянения" и "пить, пьянствовать"³.

3.1. Фразеологизмы со значением "быть в состоянии опьянения". Фразеологические единицы этого ряда называют различные состояния опьянения. Легкая степень опьянения передавалась в языке XVIII в. фразеологизмами *под хмельком*: [Теф к Прасковье:] Барин мой кажется под хмельком (Екатерина II. Обольщенный), *под шумком*: [Прокофий:] Когда он под шумком, знаешь... тогда в доме отправляет должность шута. [Мавра:] Часто ли он подпивает? [Прокофий:] Не иначе как когда его поят (РФ. Недоразумение), *под куражом*: Некоторые из господ были под куражом, и мы опасались, чтоб не произошло какого вздора (Зап. Болотова), *булавка в голове (бродит)* и его вариантами *с булавкой в голове, иметь булавку в голове, иметь шпильки в голове*: [Офицер] имел тогда в голове изрядную булавку (Адск. почта); Дураки, имея в головах шпильки, заорали было нелепую. Я плюнул и... говорю, чтоб они шли допивать свои браги (Зап. Болотова). Первые из этих оборотов относятся к распространенной в народно-разговорной речи структурно-семантической модели "под + сущ. со значением состояния = в таком состоянии", ср., например, *жить под страхом* [Даль: III, 218]. Любопытно, что модель особенно продуктивна при обозначении состояния опьянения: *под мухой, под шефе (шофе)*, фиксируемые в XIX в., и более современные *под градусом, под газом, под парами, под кайфом*. В эту модель втягиваются в иноязычные заимствования: *кураж* из французского *courage* "смелость, отвага" в XVIII в. и *шефе (шофе)* из французского *chauffé* "нагретый, подогретый алкоголем" в XIX в. [Мокиенко 1978: 147–149]. Оба выражения активно

³ Синонимические ряды со значением "пьяный" и "пить", выпивать" рассматривались на материале современного русского языка А.М. Бабкиным [Бабкин 1970: 95–96] и диалектов Л.А. Ивашко [Ивашко 1981: 38–42].

употреблялись на протяжении XIX в., ср.: Акакий Акакиевич любил что-либо заказывать Петровичу, когда последний был уже несколько под куражом, или, как выражалась жена его, "осадила сивухой" (Гоголь. Шинель); Находился промеж нас один мужчина. Притворился он, будто лыка не вяжет, а сам даже под шофе настоящим образом не был (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Особый интерес среди выражений со значением "в легком опьянении" представляет вариантный ряд *булавка в голове (бродит)*, *с булавкой в голове*, *иметь булавку в голове*, *получить булавку в голову*, *иметь шпильки в голове*. Фразеологизмы этого ряда фиксируются с 60-х годов XVIII в.: Бифиль дошел до того, что называл Томаса подлым и незаконнорожденным; а сей имел часто булавку в голове ответственал на оное храбрым кулачным ударом (Пов. о Томасе Ионесе...); Ну, браг, нечего говорить, твердили они только, имея уже в головах изрядные шпильки, – задал ты нам пир (Зап. Болотова). Образ *булавки (шпильки) в голове* со значением "в состоянии легкого опьянения" довольно необычен для русского и других славянских языков. Опьянение характеризуется обычно моделью "насекомое (чаще всего муха) в голове (носу) = = пьяный". Ср.: русск. *с мухой в голове* "в нетрезвом состоянии", бел. *мае чмялі ў носе* "пьяный" (букв. "у него шмели в носу"); чеш. *muštička mu stoupila do hlavy* "в легком опьянении" (букв. "мушка попала ему в голову") и др.⁴ [Терновская 1984; Мокиенко 1986]. Эта необычность подтверждается и тем, что хотя оборот *булавка (шпилька) в голове* и фиксируется словарем Даля [Даль, I: 139], однако в нем нет указания на наличие данного выражения в говорах. Не отмечено оно и "Словарем русских народных говоров", украинским, белорусским, польским фразеологическими словарями. Отсутствие этого фразеологизма в русских говорах и славянских языках указывает на его заимствованный характер. Языковая ситуация в России того времени заставляет обратиться к французской идиоматике как возможному источнику заимствования. И действительно, франц. *avoir sa pointe*, где *pointe* "острие, шпилька (булавка), гвоздик", также имеет значение "быть навеселе, в легком опьянении". Фиксируется это выражение во французском языке с начала XVIII в. [Rey, Chantreau 1979: 753]. Совпадение образа и значения французского оборота с русским позволяет предположить, что русск. *иметь булавку (шпильку) в голове* является калькой французского фразеологизма. Попав на русскую почву, французское выражение получило целый ряд вариантов. Некоторые из них возникли в результате контаминации с русскими ФЕ. Так, вариант *булавка в голове бродит* [ср.: [Крючкодей (шатаюсь и кривя язык):] У меня многореченного сильно в голове булавка бродит (Матинский. СПб. гост. двор)] возник в результате контаминации с фразеологизмом *хмель в голове бродит*: Бесы... писали о попах сие письмо тада, когда в голове их бродил хмель (Смесь); вариант *быть в булавке* появился под влиянием оборота *быть во хмелю* [ср.: Посадник:] Буде выпьет, во хмелю он промолвится, и что есть на сердце, он все выскажет (Екатерина II. Бюеславович). В XIX в. употреблялся лишь один из этих вариантов: *булавка в голове*. В такой форме он помечен в Словаре 1847 г. [СЦСРЯ, I: 182] и словаре Даля [Даль, I: 139]. В современном русском языке этот фразеологизм является устаревшим.

Обороты *во хмелю*, *хмель в голове бродит*, *быть (покоиться) в объятиях Бахуса* характеризуют состояние опьянения без указания на его интенсивность. Любопытно здесь употребление перифразы *в объятиях Бахуса* [Я посмотрел на Олимпа, он был покрыт маками Морфея, на Луку – он покоился в объятиях Бахуса (Муза, II, 69)]. Традиция аллегорического употребления имен античных богов восходит к Петровской эпохе. Массу примеров такого рода находим в "Письмах и бумагах Петра Великого": А брат Василей со стариком Бахусом хотел было поростаться, как говорил (А. Виниус. ПИБ, I, 615) – т.е. хотел перестать пить, пьянствовать. Приведем еще несколько

⁴ Наличие в славянских языках модели "муха в голове = пьяный" заставляет усомниться в этимологии В.В. Виноградова, связывающего этот фразеологизм с карточной игрой в муху [Виноградов 1994: 332–338].

перифраз с компонентом *Бахус: празднество Бакха* "о пьяной пирушке" [Начатое Минерве служение окончится празднеством Бакху (Елагин. Зап. мас.)]; *сын Бахуса* "пьяница"; *приносить жертву Бахусу* "пить, пьянствовать" [Загremели рюмки и стаканы, запенились напитки, и начались оргии, приношения жертв Бахусу или, прямее сказать, куликанье (Зап. Болотова)]. В письмах Петровской эпохи встречаем сочетания, совершенно немыслимые под пером древнерусского человека. Ср., например, следующие фразы из писем Петра I: принося жертву Бахусу довольную вином, а душою бога слава; А.В. Кикина: воздав благодарение богу, торжествую з Бахусом [Заозерский 1989:206] (ср. также [Otten 1986]).

Фразеологизмы, характеризующие сильную степень опьянения, отличаются разнообразием мотивировок. Часть их можно распределить по трем семантическим моделям:

1) "быть не в состоянии выполнять какую-л. деятельность = быть в сильном опьянении": *на ногах не мочь стоять* [Что он там делал, того уже не знаю, но после нескольких минут возвратился он с трубкою во рту, но при том гораздо уже пред прежним пьянее, и так, что почти на ногах стоять не мог (Зап. Болотова); *лыко не вязать* [Постой! после стола спектакль нам покажут. – Какой тебе спектакль; уж лыко все не вяжут. – Долгоруков. Соч.]. Сюда же можно отнести и устойчивое сочетание *язык не ворочается* (у кого) [Я подозревал его к себе, спрашиваю туда-ли мы едем и не ушибся-ли он; но гляжу, смотрю у слуги моего язык почти не ворочается... Одним словом, слуга мой был пьян (Зап. Болотова)].

2) "неуверенно идти, шататься из стороны в сторону = быть в сильном опьянении": *писать мыслете* [Иной на четвереньках бродя Почасту носом грязь клевал; Иной бодрился, но сам ходя Мыслете по грязи писал (Осипов, Верг. Енейда)]; *писать вензеля (ногами)* [Ногами никогда он вензелей не пишет; а если о вине он как нибудь услышит, всегда наморщится (Княжнин. Хвастун)]. Сходство образной основы этих фразеологизмов здесь очевидно; *мыслете* – старинное название буквы *м*, *вензель* – начальные буквы собственных имен, перевитые в общий рисунок. Ср. также: *метать петли, закидывать крюки* "быть пьяным" [Даль, II: 365], а также *выводить вавилоны, писать (выводить) ногами кренделя*.

3) "в глазах кажется что-либо = быть в сильном опьянении": *мальчики в глазах кажутся*⁵ [Князь был тем еще недоволен, но получив повод, продолжал и без них потягивать, и сие продолжалось до того, покуда показались ему в глазах мальчики (Зап. Болотова)]; *черти в глазах кажутся* [Не трудно мне было заключить, что он выпился с ума и что ему кажутся в глазах мальчики и черти (Зап. Болотова)]. Оба этих выражения, фиксируемые со второй половины XVIII в. [ср., например, также: В каждом сословии есть неизменно свой любимый предмет для разговора: приказный толкует о делах даже и тогда, когда ему в глазах лезут мальчики (Вистенгоф. Оч. моск. жизни)], имеют несколько диалектных вариантов: влгд. пермск. вятск. каз. *угланчики в глазах бегают* (по-видимому, от тат. *угл* "сын") "рябит, зеленеет", *мухи, мушки в глазах* "черные точки, летучая рябь", пск. *перед глазами как мухи ходят "рябит"* [Мокиенко 1989: 21–22]. Позднее "мальчиков" заменили более экспрессивные "чертики", ср.: *допить до чертиков, до зеленого змия*. К этой же модели относится и более современное *в глазах двоится* (у кого).

Сильную степень опьянения характеризуют также ФЕ *на девятом взводе, зюзя зюзей* или *как зюзя (пьян), пьян хоть выжми*. В первом обороте обращает на себя внимание определение *девятым*. Именно в такой форме он отмечается и в "Словаре русского языка XVIII века": Ни мне и никому иному и в ум не приходило заприметить, что дядька мой был и в то уже время на девятом взводе (Зап. Болотова) [СлРЯ XVIII,

⁵ Подробнее об истории и этимологии этого выражения см. [Мокиенко 1977; 1989: 21–22; Сорокин 1981].

3: 117]. В языке XIX в. фиксируются также варианты *на первом, втором, третьем, седьмом взводе*: Лёля кокетничала с поручиком..., который был пьян, но не как стелька, а чуть-чуть, на первом взводе (Чехов. Скверн. ист.). В основе выражения лежит намек на первый и второй взвод курка, т.е. готовность огнестрельного оружия к стрельбе. Отсюда и крайняя, невероятная степень опьянения, передаваемая вариантами *на третьем, седьмом* и даже *девятом взводе*, поскольку ружейный курок имеет не больше двух взводов.

Широкое распространение в языке XVIII в. имели ФЕ *зюзя зюзей* и *пьян как зюзя*, которые некоторыми исследователями считались выражениями из "гусарского языка" [Лотман 1980: 290]. Между тем оба этих оборота активно употреблялись в просторечии [Но тут досадно мне неведомо как было на пьяницу повытчика: сидит себе и ничего не пишет, а после обеда был как зюзя пьян, – что ты с ним изволишь! (Зап. Болотова)], а один из них – *зюзя зюзей* – отмечен и "Словарем Академии Российской" (САР, II: 932). Известен этот оборот и в русских говорах, где *зюзя* – это "свинья" [Мокиенко 1973].

3.2. Фразеологизмы со значением "пить, пьянствовать". Фразеологизмы синонимического ряда "пить, пьянствовать" в большинстве своем также называют сильную степень опьянения. Основная часть их организована по структурной модели "залить (налить) + глаза (глотку, лоб) = напиться пьяным". Вместо компонента *глаза* могут использоваться его простонародные эквиваленты: *бельма, зенки* и т.п., ср.: [Татьяна:] Разве ты не видишь, что он, налив бельмы, людей поносит?... [Авдотья:] Да чтож ты матка хорохоришься!... да еще людей пьяными называешь (РФ. Невеста под фатою). Варианты с другими соматизмами (*горло, глотка, лоб*) встречаются реже: [Курлагина:] Поди еще налей себе лоб, а то видишь ты мало попил. [Бемолин:] Ты шутишь... а мне таки пить хочется (РФ. Смешн. сборище).

Значение "очень сильно напиться" передают также обороты *хватить (хлебнуть) через край, напиться как клюковка, напиться до положения риз, насандалить нос*. В основе последнего оборота лежит мотивировка по цвету: *насандалить нос*, т.е. напиться до состояния, когда краснеет лицо и нос (*насандалить* – буквально намазать *сандалом*, красителем, извлекаемым из красной древесины) [Федоров 1973 : 143]. Цвет как признак спелости (отсюда и значение "очень сильно") играл основную роль и для сравнения *как клюковка* (ягоды клюквы красного цвета), ср.: Управитель говорит: Пьянство всех грехов тяжеле, Посмотриж его на деле... Сам как клюковка сидит (Николев. Точильщик); [Добров:] Скажи, как клюковки все гости напились? [Анна:] Что называется: до положения риз. По лестнице уж не сошли, спустились (Капнист. Ябеда). В говорах это сравнение может употребляться и с другими глаголами (*налиться, натянуться как клюковка*): Он, родимый мой, как клюковка натянулся и языка не повернет [СРНГ, 13 : 320]. Характерно, что в одном ряду со сравнением *как клюковка* стоит и оборот библейского происхождения *до положения риз*, возникший на основе рассказа о Ное, который, опьянев, сбросил с себя ризы (одежды) [ФСРЯ: 338]. Как видим, сфера его употребления – просторечие. В языке XIX в. и современных контекстах выражение имеет скорее книжный характер.

Библейскую основу имеет и ряд фразеологизмов со словом *чаша*: *пить горькую чашу, пить мертвую чашу, пить смертную чашу* "пьянствовать, пить без просыпу". Первичными, вероятно, были сочетания *пить чашу* и *пить чашу до дна* "испытывать страдания", ср.: Иисус сказал в ответ: ...можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? (Матф., 20, 22); Воспрями, воспрями, возстань, Иерусалим, ты, который из рук Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил (Исаия, 51, 17). На основании этих контекстов и евангельского выражения "Да минует меня чаша сия" (Матф., 26, 39; Лука, 22, 42) у слова *чаша* сформировалось символическое значение "участь, судьба (обычно тя-

желая)⁶. Отсюда – *горькая, горестная* и даже *смертная чаша* "смерть", отмеченная "Материалами..." И.И. Срезневского [Срезн., 3 : 1484] и употребляемая в памятниках XVIII в.: год тому назад, в сей точно день с неустрашимостию гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадью (Крылов. Похв. речь в пам.). В результате контаминации сочетаний *пить чашу, пить чашу до дна* и *горькая, смертная чаша* и появились выражения *пить горькую чашу, пить горькую чашу до дна* "переносить страдания, испытания" [Ирта... мы вместе осуждены изпить горькую чашу гибели (Плавильщиков. Ерм. пок. Сиб.)], *пить смертную чашу* "умереть" [Но смертную чашу пить теперь за град пойдем (Херасков. Росс.)]. Значение "пьянствовать, пить без просыпу" у этих оборотов возникло, по-видимому, под влиянием сочетаний *пить с горя, топить горе в вине* [у ФЕ *пить горькую чашу*: [Фома:] Пил я горькую чашу от покойницы своей (Вязмитинов. Нов. Сем.)] и *пить до беспамятства, мертвецки (мертво) пьян* [у ФЕ *пить мертвую чашу* и варианта *пить смертную чашу*: [Добров:] Верь, что хоть напролет всю ночь пропуншуют, проспавшись, как ни в чем, вновь мертвую чашу дуют (Капнист. Ябеда); Арифметический наш учитель пил смертную чашу; учитель латинского языка был пример пьянства и всех подлых пороков (Фонвизин. Чист. призн.)]. Для фразеологизма *пить горькую чашу* нельзя исключить и влияния субстантивированного прилагательного *горькая*, употреблявшегося в просторечии в значении "водка". В современном русском языке известны лишь эллиптированные формы этих выражений: *пить (запить) горькую* и *пить (запить) мертвую*.

4. Из анализа синонимических рядов "быть в состоянии опьянения" и "пить, пьянствовать" видно, что в смысловые отношения вступают между собой разнородные фразеологические единицы. Это прежде всего обороты живой разговорной речи (*под хмельком, под шумком, лыко не вязать, как зюзя, зюзя зюзей*). Многие из них являются лишь вариантами структурно-семантической модели, активно функционирующей в диалектах (*мальчики в глазах*). ФЕ, восходящие к церковно-книжным источникам, претерпевают различные семантические (*пить горькую чашу, пить мертвую чашу, пить смертную чашу*) и стилистические изменения (*пить до положения риз*). В синонимические ряды интенсивно проникают заимствования (*под куражом, булавка [шпилька] в голове*). При этом они могут включаться в уже существующие структурно-семантические модели (*под куражом*) или образовывать новые варианты в результате контаминации с другими оборотами (*в голове булавка бродит, быть в булавке*). Основная часть выражений широко употребляется и в языке XIX–XX вв. (*под хмельком, лыка не вязать, язык не ворочается у кого*). Фразеологизмы с неясной внутренней формой, утраченной мотивировкой или недостаточной экспрессивностью остаются за пределами литературного языка (*насандалить нос, булавка в голове, пить смертную чашу*).

5. Диахронический анализ двух фрагментов фразеосемантических полей "смерть" и "пьянство" показывает, как кажется, перспективность идеографического метода для исторической фразеологии. Изучение состава поля на протяжении различных периодов развития языка позволяет проследить не только динамику фразеологической системы, но и выявить наиболее типичные образные представления (стереотипы, эталоны), связанные с тем или иным фрагментом "фразеологической" картины мира. Реконструкция таких стереотипов возможна на основе семантических и структурно-семантических моделей (ср.: "уйти в иной мир = умереть"; "испустить последний вздох = умереть"; "вытянуть ноги = умереть" или "неуверенно идти, шататься из стороны в сторону = быть в сильном опьянении"; "залить глотку (глаза) =

⁶ Объяснение этого значения на основе обычая узнавать свою судьбу, глядя в чашу с водой, предлагаемое М.Ф. Палевской [Палевская 1972 : 119], кажется нам сомнительным.

напиться пьяным"). Немоделлируемость фразеологизмов может, хотя и не во всех случаях, служить признаком их чужеродности (калькированности) (*отдать долг природе, булавка в голове*). Выявление семантических и структурно-семантических моделей является, тем самым, необходимым условием для описания национально-культурной специфики фразеологического компонента языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев А.Н. 1869 – Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1869.
 Бабкин А.М. 1970 – Русская фразеология: ее развитие и источники. Л., 1970.
 Барсов А.А. 1872 – Причитания северного края. М., 1872.
 Виноградов В.В. 1994 – История слов. М., 1994.
 Добровольский Д.О. 1988 – О возможности моделирования внутренней формы фразеологизмов // Лексико-графическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. М., 1988.
 Заозерский А.И. 1989 – Фельдмаршал Б.П. Шереметьев. М., 1989.
 Ивашко Л.А. 1981 – Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
 Ларин Б.А. 1977 – Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
 Лотман Ю.М. 1980 – Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий. Л., 1980.
 Мокиенко В.М. 1973 – Как зюзя... // РР. 1973. № 5.
 Мокиенко В.М. 1978 – Шефе (подшофе) // РР. 1978. № 4.
 Мокиенко В.М. 1979 – Вариантность фразеологии и проблема индивидуально-авторских фразеологических единиц // Современная русская лексикография, 1977. Л., 1979.
 Мокиенко В.М. 1986 – С бзиком // РР. 1986. № 3.
 Мокиенко В.М. 1989 – Славянская фразеология. М., 1989.
 Палевская М.Ф. 1972 – Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972.
 Солодуб Ю.П. 1985 – Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). М., 1985.
 Сорокин Ю.С. 1983 – "И мальчики кровавые в глазах..." (Фразеолого-стилистический комментарий к пушкинской строке) // Современная русская лексикография, 1981. Л., 1983.
 Телця В.Н. 1993 – Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 1993.
 Терновская О.А. 1984 – Ведовство у славян. II. Бзык (мухи в голове) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
 Федоров А.И. 1973 – Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 1973.
 Чернышева И.И. 1993 – К динамике фразеологической системы (на материале немецкого языка) // ФН. 1993. № 1.
 Эккерт Р. 1990 – Историческая фразеология и лингвострановедение // Russistik. 1990. N 2.
 Eckert R. 1991 – Studien zur historischen Phraseologie der slawischen Sprachen (unter Berücksichtigung des Baltischen). München, 1991.
 Krull E. 1967 – Bemerkungen zu einigen Ausdrücken für "sterben" im Altrussischen // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967.
 Otten F. 1986 – Ivaško und das Stampfgefäß (Zu мозжеръ und мортиръ "Mörser" in der Petrinischen Zeit // Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag. Köln; Wien, 1986.
 Rey A., Chantreau S. 1979 – Dictionnaire des expressions et locutions figurées. Paris, 1979.